

Для цитирования: Экономика региона. — 2016. — Т. 12, вып. 3. — С. 765–775
doi 10.17059/2016-3-13
УДК 332.135

О. А. Козлова ^{а,б)}, Т. В. Терентьева ^{б)}, М. Н. Макарова ^{а)}, Д. Х. Лан ^{в)}

^{а)} Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: Olga137@mail.ru)

^{б)} Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (Владивосток, Российская Федерация)

^{в)} Университет международной торговли (Ханой, Вьетнам)

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ¹

В статье исследуются актуальные вопросы территориальной организации социально-экономического пространства, рассматриваемые в контексте реализации стратегий развития регионов Дальнего Востока. Актуализация данной проблемы связана с усилением неравномерности экономического развития дальневосточных регионов на фоне продолжающегося миграционного оттока населения, обусловившего рост дефицита трудовых ресурсов, ухудшение возрастной и образовательной структуры населения. Миграционный отток фактически приводит к разрушению сложившейся структуры расселения, под которую формировались все сети социального обслуживания населения. Негативные миграционные процессы способствуют потере макрорегионом трудоспособного населения и росту дифференциации расселения, что негативно влияет на развитие региональной экономики.

Авторами выдвинута гипотеза о том, что успешность реализации региональных стратегий социально-экономического развития во многом обусловлена синтезом агломерационных и кластерных технологий на основе учета региональных особенностей проявления демографических, миграционных и расселенческих факторов как тесно взаимосвязанных процессов организации социально-экономического пространства регионов.

На основе контент-анализа стратегий социально-экономического развития российских дальневосточных регионов авторы обосновали вывод о слабой встроенности процессов кластерообразования и агломерирования в стратегические планы территориального развития и недоучете противоречий их проявления в стратегиях социально-экономического развития регионов, обусловленных миграционным оттоком населения.

Обоснована необходимость разработки и реализации механизмов эффективного встраивания кластерных и агломерационных технологий организации регионального пространства в стратегию социально-экономического развития регионов Дальнего Востока. Решение поднимаемых в данной статье вопросов стратегического развития регионов, по мнению авторов, должно способствовать более обоснованному формированию направлений региональной политики.

Ключевые слова: стратегия регионального развития, урбанистический кластер, миграция населения, расселение, региональная политика, территориально-отраслевая организация, Дальний Восток, городское население, кластерный подход, агломерационный подход

Введение

В последнее десятилетие происходит усиление дифференциации социально-экономического развития регионов России, сопровождающееся общей депопуляцией, внутрирегиональной миграцией населения из небольших поселений в крупные города, дальнейшим миграционным оттоком населения из восточных регионов в регионы центральной части РФ. В этих условиях эффективное решение задач по дальнейшему развитию экономики ма-

крорегиона во многом будет зависеть от обоснованного выбора стратегических инструментов реализации региональной политики.

Принятие закона «О стратегическом планировании в РФ» № 172-ФЗ 28 июня 2014 г. открыло новый этап в государственной деятельности по разработке и реализации стратегий социально-экономического развития России в целом, субъектов РФ, а также макрорегионов, что неизбежно влечет за собой актуализацию программных документов различного уровня. Вместе с тем, такая работа должна проводиться с исправлением тех недостатков, которыми обладают существующие стратегии развития.

¹ © Козлова О. А., Терентьева Т. В., Макарова М. Н., Лан Д. Х. Текст. 2016.

Дальний Восток является территорией стратегического значения для России, обладающей большим ресурсным потенциалом и имеющей важное значение для обеспечения безопасности страны. В связи с этим государством уделяется большое внимание разработке и реализации стратегий развития данных территорий с привлечением крупных государственных инвестиций в ключевые отрасли. Вместе с тем, территориальное развитие регионов Дальнего востока характеризуется нарастающими процессами депопуляции населения, миграционным оттоком коренных жителей, более низким по сравнению с другими территориями качеством жизни населения. Все это формирует дефицит человеческого капитала, который не был учтен в действующих стратегиях и программах развития, что препятствует реализации планов экономического развития регионов Дальнего Востока.

Исходя из обозначенных соображений, авторы посвятили эту статью поиску эффективных инструментов региональной политики, направленной на гармонизацию отраслевого и территориального развития регионов Дальнего Востока.

Теория и методология

Эффективность регионального развития обеспечивается решением взаимосвязанных экологических, экономических, социокультурных задач, приводящим к улучшению условий и качества жизни населения региона. Однако современная региональная политика в большей степени ориентирована на достижение лишь экономических показателей (ВРП, объем привлеченных инвестиций, бюджетной наполняемости и т. д.), что обуславливает формирование отраслевых приоритетов в стратегиях регионального развития, мало учитывающих численность и качество человеческих ресурсов, которыми располагает регион и которые призваны обеспечить запланированный экономический рост.

Противоречие между отраслевыми и территориальными приоритетами реализации региональной политики в России определило необходимость обращения авторов, в первую очередь, к теоретическому анализу эффективных инструментов согласования территориального и отраслевого аспектов регионального развития.

Обзор теоретических концепций и практики управления территориальным развитием позволяет выделить три наиболее востребованных методических подхода.

Первый — кластерный, или отраслевой, опирается на положения экономической теории, разработанные во второй половине XIX в. А. Маршалл одним из первых исследовал конкурентные преимущества, получаемые отраслями в «промышленных районах» (*industrial districts*), которые он наблюдал в современной ему Англии [1, с. 352].

В советской региональной науке комбинирование производства считалось важнейшим фактором при оценке эффективности управленческих решений по организации социально-экономического пространства территории [2, с. 25]. Теория энергопроизводственных циклов Н.Н. Колосовского использовалась для обоснования проектов и программ пространственной организации регионов на основе формирования территориально-производственных комплексов (ТПК) и «территориально-производственной кооперации». Под ТПК понималась группа территориально сконцентрированных предприятий, технологически связанных процессов переработки сырья и энергии. В советский период они стали основной формой совместного размещения различных производств, учитывающей синергетические эффекты, которые реализуются вследствие складывающихся в рамках ТПК внутриотраслевых и межотраслевых взаимодействий [3, 4].

В современном понимании кластер представляет собой территориально соседствующие и взаимосвязанные компании, характеризующиеся общностью деятельности и взаимодополняющие друг друга [5]. Однако данная трактовка в большей степени соответствует отраслевому подходу, в котором региональные аспекты играют лишь второстепенную роль, не получая должного развития.

Концепции кластеров и территориально-производственных комплексов, как отмечается в некоторых исследованиях, не противоречат друг другу [6]. Более того, в настоящее время стратегии развития многих регионов Российской Федерации строятся на формировании различных кластерных структур, в основе которых часто лежат созданные 30–50 лет назад территориально-производственные комплексы, опиравшиеся, с одной стороны, на увязку схем расселения населения и размещения промышленного производства, с другой — на административное ценообразование продукции промышленных предприятий и тарифов на транспортные перевозки, что в условиях рынка сделало многие предприятия неконкурентоспособными.

Второй — территориальный подход к решению задачи развития регионов связан с формированием агломераций. Д. Пуга отмечал роль больших метрополий в территориальном развитии благодаря положительной экономии от масштаба [7].

П. Кругман выделил агломерационные факторы, не зависящие от деятельности человека, и факторы, связанные с деятельностью государства и общества [8, с. 40]. При этом он отмечал, что чем выше уровень социально-экономического развития территории, тем сильнее воздействие факторов второго свойства. В своих исследованиях факторов организации регионального пространства он придавал огромную роль инфраструктуре, отмечая значительные положительные экстерналии, возникающие в региональных агломерациях, носящих сетевой характер.

В рамках формирования третьего — территориально-отраслевого подхода к региональному развитию как в зарубежных, так и в отечественных публикациях в настоящее время актуализируются исследования урбанистических кластеров [9–12] как групп городских поселений, расположенных на расстоянии транспортной доступности друг от друга, которые включают несколько главных городов или состоят из населенных пунктов одного размера. Выделяются такие факторы формирования урбанистических кластеров, как реакция на недостаток производственной концентрации при наличии высокой плотности населения в центре, одновременный рост и возможное поглощение близлежащих населенных пунктов и планирование, приводящее к возникновению новых городов вокруг главного центра [9].

Среди основных направлений в исследованиях урбанистических кластеров можно выделить:

- вопросы территориального расширения кластеров и влияния их близости на развитие территорий [5];

- выявление предпосылок для устойчивого роста малых и средних городов в составе кластеров [8, с. 40];

- проблемы растущих различий между густонаселенными метрополиями и периферией, усиливающие социально-экономическое неравенство территорий [3].

- анализ современного состояния процессов урбанизации в мире и в России и ее противоречия [13].

Таким образом, формирование территориальных образований на основе использования кластерных и агломерационных техноло-

гий может изменять ход и перспективы развития небольших поселений. Как отмечают специалисты в области градостроительства, наиболее эффективными в этом случае могут быть городские полицентричные системы, предусматривающие тесное взаимодействие малых и средних городов во всех сферах их жизнедеятельности¹.

Методы и материалы

Выбор дальневосточных регионов в качестве объекта исследования обусловлен тем, что, с одной стороны, они обладают значительным природно-ресурсным потенциалом и, как следствие, большим потенциалом развития, с другой — слабые позиции многих регионов в социально-экономическом аспекте препятствуют успешной реализации значительного потенциала этих регионов. Данный факт требует более четкого определения контуров региональной политики развития, отвечающей потребностям каждого конкретного региона, чем, например, в регионах хорошо освоенной центральной части России.

Информационной базой исследования послужил ряд федеральных и региональных нормативно-правовых документов: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 08.08.2009) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», Постановление Правительства РФ № 188 «Об утверждении правил распределения и предоставления субсидий федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на реализацию мероприятий, предусмотренных программами развития пилотных инновационных территориальных кластеров» (2013 г.), Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 2094-р), а также действующие стратегии социально-экономического развития субъектов РФ, входящих в состав ДФО.

В исследовании использованы данные Росстата и его территориальных органов, а также данные о показателях социально-экономического развития субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, представленные на сайтах органов исполнительной власти соответствующих регионов.

¹ Асебельо Х. Современные города неэффективны [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infox.ru/realty/city/2011/06/29/LANTA.phtml> (дата обращения 1.09.2015).

Таблица 1

Сравнительная характеристика основных социально-экономических показателей субъектов РФ, входящих в Дальневосточный федеральный округ за 2012 и 2014 гг.

Показатель	год	Республика Саха (Якутия)	Камчатский край	Приморский край	Хабаровский край	Амурская область	Магаданская область	Сахалинская область	Еврейская автономная область	Чукотский автономный округ
Доля региона в суммарном ВРП ДФО, %	2012	20,0	4,7	20,6	16,2	8,5	2,9	23,8	1,6	1,7
	2014**	20,1	4,6	19,6	16,5	8,6	3,1	24,1	1,5	1,8
Уровень дотационности регионального бюджета*, %	2012	32,0	55,7	7,0	5,0	6,0	30,1	0	23,7	2,1
	2014	29,4	49,8	4,1	2,0	3,9	27,6	0	21,9	16,8
Доля прямых инвестиций в ВРП, %	2012	37,9	28,4	36,4	41,1	49,3	35,2	25,6	58,4	37,9
	2014	31,9	17,2	21,7	22,6	27,4	39,9	27,6	22,0	12,0
Доля населения региона в населении ДФО, %	2012	15,3	5,1	31,1	21,5	13,1	2,4	7,9	2,8	0,8
	2014	15,4	5,1	31,1	21,5	13,0	2,4	7,9	2,7	0,8
Доля занятого населения с высшим и средним специальным образованием, %	2012	52,7	56,2	53,8	56,1	57	48,6	48,8	41,4	52,6
	2014	56,5	60,3	56,6	61,7	57,8	55,2	50,8	44,5	51,4
Плотность населения, чел/км ²	2012	0,31	0,69	11,82	1,70	2,26	0,33	5,67	4,77	0,07
	2014	0,31	0,68	11,74	1,70	2,24	0,32	5,60	4,66	0,07
Сальдо миграции, чел. (+ прибыло, – выбыло)	2012	-8359	-58	-1104	-531	-4323	-2106	-1516	-1548	-336
	2014	-6708	-3122	-3948	-2535	-1265	-2277	-2911	-1832	-154
Покупательная способность заработной платы (соотношение с величиной ПМ трудоспособного населения), раз	2012	3,4	3,1	3,2	3,1	3,0	4,3	4,2	2,8	4,9
	2014	3,8	3,4	3,0	3,2	3,4	4,0	4,5	2,8	5,6

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. Р32 : стат. сб. / Росстат. М., 2015; Демографический ежегодник России. 2015 : стат. сб./ Росстат. М., 2015.

* Результаты распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации на 2013–2015 гг. // Министерство финансов РФ. [Электронный ресурс]. URL http://www.minfin.ru/common/img/uploaded/library/2012/09/FFPR_2013_-_2015.pdf (дата обращения 15.01.2016).

** Оценка органами исполнительной власти субъектов ДФО.

В процессе проведения исследования использовались методы статистического анализа и сравнительных оценок, позволившие выявить тенденции социально-экономического развития Дальневосточного макрорегиона и его отдельных территорий. Метод контент-анализа применялся для качественного анализа стратегий социально-экономического развития РФ и ее субъектов, входящих в состав ДФО, по результатам которого был сделан вывод о недостатках действующих стратегий и о предпочтительных инструментах региональной политики социально-экономического развития Дальнего Востока.

Результаты

Проведенный анализ социально-экономического состояния дальневосточных регионов свидетельствует о том, что подавляю-

щее их число имеет значительные проблемы в сфере демографического, социального и трудового развития, что требует первоочередных мер не только региональных, но и федеральных органов власти в разработке адекватной политики по данным направлениям развития.

Так, при наличии общих тенденций развития социально-экономическое положение отдельных субъектов РФ, входящих в состав ДФО, неоднородно (табл. 1).

В большинстве регионов ДФО в период 2012–2014 гг. наблюдался рост ВРП, при этом доля каждого региона в суммарном ВРП округа с течением времени менялась незначительно. Наибольший вклад вносят Сахалинская область (23–24 %), Республика Саха (Якутия) (20 %), Приморский (19–20 %) и Хабаровский края (16 %). В 2014 г. индекс физического объ-

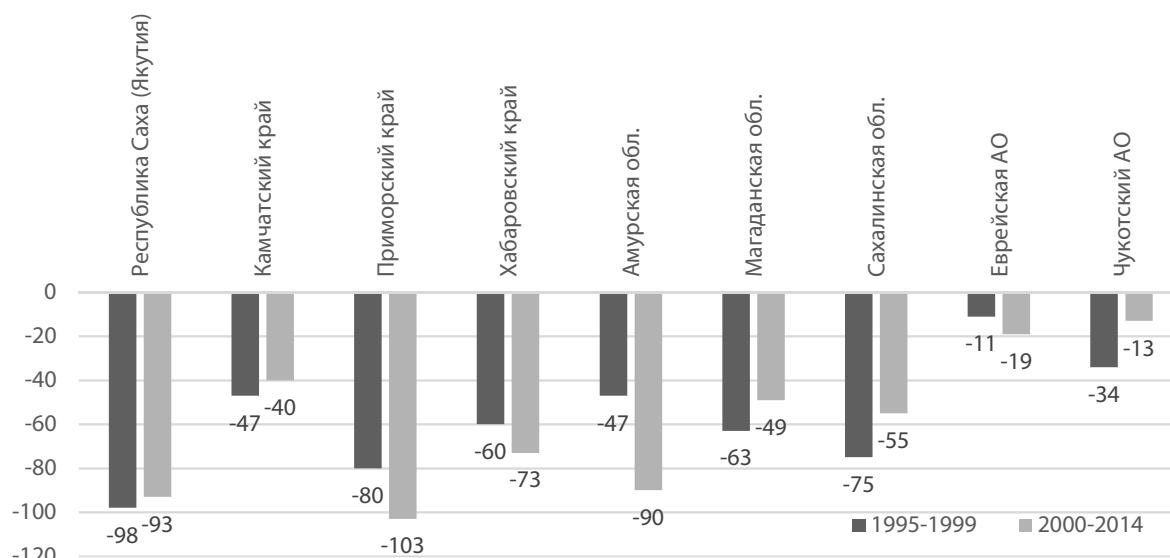

Рис. 1. Сальдо миграционного движения населения по регионам Дальневосточного ФО за период 1995–2014 гг., тыс. чел

ема ВРП в данных регионах был на уровне 102–103 %.

Значительное снижение темпов роста ВРП было зафиксировано в Еврейской автономной (82,5 %) и Амурской (89,4 %) областях. Все регионы ДФО, за исключением Сахалинской области, являются дотационными: в 2014 г. формирование бюджета Камчатского края на 49,8 % зависело от дотаций федерального центра; Республики Саха (Якутия) — на 29,4 %; Магаданской области — на 27,6 %; Еврейской АО — на 21,9 %.

В 8 раз выросла дотационность регионального бюджета Чукотского АО — с 2,1 % в 2012 г. до 16,8 % в 2014 г. Уровень дотационности бюджетов остальных регионов составляла 2–4 %.

Несмотря на сохранение коэффициента рождаемости на достаточно высоком уровне (14,0‰) и незначительное снижение коэффициента смертности (до 12,6‰), обеспечивающие увеличение естественного прироста, численность населения продолжает сокращаться из-за существенного миграционного оттока населения из регионов Дальнего Востока, начавшегося еще в период системных реформ 90-х гг.

За 20 лет (1995–2014 гг.) отрицательное сальдо миграции населения в Дальневосточном федеральном округе составило 1066 тыс. чел., основной отток населения пришелся на такие территории, как Республика Саха (Якутия) — 190,4 тыс. чел. (18,3 %), Приморский край — 182,9 тыс. чел. (17,6 %), Амурская область — 137,6 тыс. чел. (13,2 %). Основная миграционная волна пришлась на период до 2000 г. (рис. 1).

Миграционные процессы негативно сказываются на численности экономически активного населения. В 2014 г. среди выехавших из ДФО подавляющее большинство составляло трудоспособное население (70 %), число лиц моложе трудоспособного возраста, уехавших с целью получения образования, составили 13 %. Среди уехавших около 40 % имеют высшее и 25 % среднее профессиональное образование.

Кроме снижения численности, ухудшается структура экономически активного населения. Так, численность занятых за анализируемый период снизилась по регионам округа на 1–3 %. При этом сохраняется высокий уровень безработицы от 3 % до 9 % в зависимости от региона. Наибольший уровень безработицы в Еврейской АО — около 9 %. Тенденция к росту уровня безработицы наблюдается в трех регионах ДФО — Камчатском крае, Амурской области и Еврейской АО. Вместе с тем следует отметить положительную тенденцию увеличения доли занятого населения с высшим и средним профессиональным образованием. Лидером по этому показателю в 2014 г. являлся Хабаровский край (61,7 %), отстающим регионом — Еврейская АО (44,5 %).

Миграционный отток населения за пределы федерального округа сопровождается активной внутрирегиональной миграцией населения из аграрных районов в города (рис. 2). В 2014 г. доля городского населения ДФО составила 76,6 % от всего населения округа, увеличившись с 1989 г. на 7,4 %. Общий рост городского населения сопровождается его перераспределением из малых и средних городов с численностью до 100 тыс. чел. в более крупные

Рис. 2. Динамика количества городов и удельного веса суммарного городского населения в ДФО (сост. по: <http://www.citypopulation.de/Russia.html> (дата обращения 13.01.2016))

города. За период с 1989 г. по 2014 г. при снижении доли населения с 48,5 % до 40,7 %, проживающего в городах с численностью до 100 тыс. чел., доля населения, проживающего в больших и крупнейших городах, выросла с 51,5 до 59,3 %. То есть, по сути, идет самоорганизующийся процесс стягивания населения в крупные города, повышающий неравномерность его распределения по территории.

Для отражения характера размещения населения по территории может быть применен ряд количественных показателей. Один из них — индекс концентрации населения (ИК), дающий количественную оценку степени равномерности или неравномерности размещения населения. Используя этот индекс для расчетов по всем крупным территориальным единицам страны, Ю.В. Поросенков выделил пять основных ступеней размещения населения (1977): 1) равномерное (ИК до 20 %); 2) неравномерное (ИК 20—25 %); 3) значительно неравномерное (ИК 25—33 %); 4) существенно неравномерное (ИК 30—50 %); 5) резко неравномерное (ИК свыше 50 %) [14].

В 2014 г. при низкой плотности населения (3,02 чел./км²) и наблюдаемой динамике ее снижения индекс концентрации населения составлял 53 %, что на основании пяти основных ступеней размещения населения, определенных Ю.В. Поросенковым, свидетельствует о резко неравномерном расселении населения на территории ДФО.

В качестве особенности данного процесса можно отметить так называемую ложную ур-

банизацию, для которой характерен рост численности городского населения, не сопровождаемый возникновением достаточного количества рабочих мест и повышением уровня жизни населения. Данный процесс характеризуется массовым строительством на окраинах крупных городов новых жилых массивов, зачастую без должного обеспечения социальной и транспортной инфраструктурой, что значительно снижает качество жизни населения и, в конечном итоге, обуславливает усиление миграционного оттока с территории Дальнего Востока.

Как реакция на происходящие процессы, в отечественных исследованиях стало высказываться мнение о невозможности описания современного состояния процессов урбанизации только с точки зрения одного главного тренда, который сейчас наблюдается в пространственном развитии российских регионов, а именно — преобладания роли крупных и крупнейших городов [15].

В то же время трансформация системы расселения в перспективе будет характеризоваться дальнейшим увеличением доли городского населения, ростом числа крупных городов и их опережающим развитием по отношению к малым и средним городам, некоторым увеличением числа малых городов при снижении их людности [15]. Данный процесс идет достаточно медленно, но устойчив во времени. Проблемы, связанные с усилением разрыва между крупными и небольшими городами, будут расти не только в отношении их людности,

но и в отношении качества жизни населения. Постоянная и некомпенсируемая потеря населения, в конечном итоге, обернется ростом стоимости жизни в этих городах, дальнейшим снижением наполняемости местных бюджетов и доступности социальных услуг, плохими условиями труда и безработицей, что будет усиливать сегрегацию территорий.

В связи с этим отметим, что в странах Евросоюза в настоящее время при организации регионального пространства основной акцент делается на развитии системы малых и средних городов, поскольку их формат способствует более быстрому воплощению и апробации на практике «новых инициатив» [16].

Таким образом, тесно взаимосвязанный с миграционным расселенческий фактор — очень важный фактор стратегического развития регионов. Именно расселение во многом формирует условия и перспективы регионального развития, обусловленного наличием и экономической эффективностью малых и средних городов, формирующих каркас социально-экономического пространства региона. Данная зависимость скорее всего присуща всей цепочке расселения: от сельского поселения до мегаполисов, вследствие чего вымирание малых и средних городов неизбежно приведет в дальнейшем к деградации и самих крупных областных центров.

Направления долгосрочного развития дальневосточных регионов разработаны в ряде стратегических и программных документов различного уровня. Основными федеральными нормативными документами являются:

— Прогноз долгосрочного социально-экономического развития России до 2030 г., в котором заложен рост регионов Дальнего Востока на основе интеграции во внутринациональное и мировое социально-экономическое пространство¹;

— Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 2094-р) и государственная программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года», представляющие собой взаимоувязанный комплекс про-

граммных проектов и мероприятий, направленных на улучшение социально-экономического положения территорий Дальнего Востока и Байкальского региона.

Сценарные варианты развития России, содержащиеся в федеральных прогнозных документах, заложены в основу стратегий социально-экономического развития дальневосточных регионов до 2025 г.

В Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года заложено формирование устойчивой системы расселения на основе зон опережающего экономического развития, привлечения трудовых миграционных потоков, роста человеческого капитала для решения социально-экономических задач, стоящих перед макрорегионом. Условием успешной реализации Стратегии должно стать тесное взаимодействие государства и бизнеса в осуществлении ключевых инвестиционных проектов на принципах государственно-частного партнерства

В этой связи в стратегиях дальневосточных регионов подчеркивается крайняя важность применения кластерного подхода к стратегии регионального развития (табл. 2).

Анализ стратегий дальневосточных регионов до 2030 г. показал, что в подавляющем большинстве регионов политика пространственного развития выстраивается на основе реализации кластерного отраслевого подхода к развитию различных сфер экономики.

При этом решение задач повышения качества жизни населения видится при условии формирования крупных городских агломераций (Камчатский и Приморский края), улучшения качества социальной среды (Магаданская и Амурская области), реализации миграционных программ и программ по закреплению молодых специалистов (Хабаровский и Приморский края, Сахалинская область, Еврейская АО).

В то же время, анализ стратегий дальневосточных регионов выявил ряд недостатков, обусловленных влиянием современных социально-экономических, демографических и миграционных процессов в обосновании форм территориальной организации регионального развития:

— региональные стратегии опираются в основном на сложившуюся в течение последних 20 лет ситуацию в сфере размещения производства и слабо учитывают негативные демографические и миграционные тенденции в макрорегионе;

¹ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. М.: Министерство экономического развития Российской Федерации, 2013 [Электронный ресурс]. URL: www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06.

Приоритетные направления стратегического развития регионов Дальнего Востока

Виды отраслевых кластеров	Направления развития	Регионы
Горнодобывающий	Цветные металлы	Приморский край, Камчатский край, Чукотский АО, Магаданская обл.
	Нефть и газ	Республика Саха, Камчатский край, Сахалинская обл.
	Геологоразведка	Камчатский край, Чукотский АО, Сахалинская обл.
	Бурый уголь	Камчатский край, Магаданская обл., Сахалинская обл.
	Каменный уголь	Камчатский край, Чукотский АО, Еврейская АО
Туристический кластер	Туризм (экотуризм, вулканический туризм, лечебно-оздоровительный)	Камчатский край, Амурская обл., Еврейская АО Сахалинская обл.
Рыбохозяйственный кластер	Рыбоводные заводы и заводы по переработке рыбы	Приморский край и Камчатский края, Магаданская обл., Еврейская АО, Сахалинская обл.,
	Производство марикультур	Хабаровский край, Камчатский край, Сахалинская обл.
Морехозяйственный кластер	Развитие портов и портовой инфраструктуры	Хабаровский, Приморский и Камчатский края, Чукотский АО, Сахалинская обл.
	Судоремонтный комплекс	Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Магаданская обл.
Транспортно-логистический кластер	Транспортно-логистический узел	Республика Саха, Камчатский и Хабаровский края Магаданская обл., Амурская обл., Чукотский АО, Еврейская АО,
	Развитие малой (региональной) авиации	Республика Саха, Камчатский край, Чукотский АО, Магаданская и Сахалинская области,
	Формирование амфибийной транспортной системы	Камчатский край

Источник: составлено на основе Стратегии социально-экономического развития регионов Дальнего Востока на период до 2025 г.

— при выборе форм организации регионального социально-экономического пространства не формулируются критерии их выбора, обоснования экономико-географических границ его развития, не проводится оценка ресурсного потенциала развития;

— отсутствуют оценки возможности и перспектив развития межрегионального и межмуниципального сотрудничества при формировании отраслевых и урбанистических кластеров.

Таким образом, пытаясь решать сходные социально-экономические задачи, регионы ДФО идут по пути формирования схожих отраслевых кластеров, что в перспективе неизбежно обострит конкуренцию между ними за инвестиционные и, особенно, трудовые ресурсы. В силу этого возникает необходимость поиска организационно-управленческих решений регионального развития, предотвращающих угрозу территориальной локализации реализуемых инвестиционных проектов.

Отказ от использования позитивного прошлого опыта регионального планирования, как показала практика, непродуктивен и ведет к обострению существующих регионально-отраслевых противоречий, а не к формирова-

нию новых источников регионального развития и повышения конкурентоспособности регионов [17].

Заключение

Таким образом, при формировании и реализации региональной стратегии социально-экономического развития необходимо учитывать ряд соображений.

1. Обоснование формы территориальной организации развития регионов должно основываться на принципах согласования и сотрудничества между ними, а не на противопоставлении и конкуренции за имеющиеся или привлекаемые ресурсы. Это, в свою очередь, предполагает развитие различных форм как внутри-, так и межрегионального взаимодействия муниципальных образований.

2. Наличие объективных предпосылок использования взаимосвязи территориального и отраслевого подходов в решении вопросов стратегического развития регионов обуславливает необходимость поиска не только эффективных форм кооперации, но и их правового оформления, которое, нужно сказать, до сих пор не получило необходимого развития в российском законодательстве и практике.

3. Стратегия регионального развития должна опираться на принцип интегративности в использовании отраслевых и территориальных технологий организации социально-экономического пространства региона, что позволит учитывать факторы, определяющие демографические и расселенческие процессы на территории, что возможно на основе гармонизации, с одной стороны, региональной пространственной политики, с другой — отраслевых политик, проводимых в регионе.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках НИР «Социально-экономические факторы и инновационные механизмы реализации политики динамичного развития Дальнего Востока» (госзадание 2014/292).

Список источников

1. Маршалл А. Принципы экономической науки. В 3-х т. Т. 1. — М.: Прогресс, 1993. — 594 с.
2. Колосовский Н. Н. Теоретические проблемы экономического районирования СССР. Краткая схема изложения // Территориальные производственные комплексы / отв. ред. Н. Н. Казанский. — М.: Мысль, 1970. — С. 18–32.
3. Бандман М. К. Подход и основные этапы решения задачи оптимизации формирования ТПК // Моделирование формирования территориально-производственных комплексов. — Новосибирск: ИЭиОПП, 1971. — 338 с.
4. Малов В. Ю. Анализ вероятностных свойств результатов оптимизации пространственной структуры ТПК // Экономико-географические проблемы формирования территориально-производственных комплексов Сибири / под ред. М. К. Бандмана. Ч. 1. — Новосибирск: ИЭиОПП, 1974. — 216 с.
5. Портер М. Конкуренция. — М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. — 608 с.
6. Пилипенко И. В. Региональная модель геоэкономической стратегии повышения конкурентоспособности России. Перспективы развития региональных инновационных систем в Томской и Новосибирской областях // Безопасность Евразии. — 2005. — № 2. — С. 418–429.
7. Puga D. Urbanization Patterns: European Versus Less Developed Countries // Journal of Regional Science. — 1998. — Vol. 38. — No. 2. — Pp. 231–252.
8. Кругман П., Обстфельд М. Международная экономика. Теория и политика. — М.: МГУ-ЮНИТИ, 1997. — 799 с.
9. Partridge M. D., Rickman D. S., Ali K., Olfert M. R. Do New Economic Geography agglomeration shadows underlie current population dynamics across the urban hierarchy? // Regional Science. — 2009. — Vol. 88. — No 2. — P. 445–467.
10. Portnov B., Schwartz M. Urban clusters as growth foci. // Journal of Regional Science. — 2009. — Vol. 49. — No 2. — P. 287–310.
11. Wheaton W. C., Shishido H. Urban Concentration, Agglomeration Economies, and the Level of Economic Development // Economic Development and Cultural Change. — 1981. — Vol. 30 — Issue 1 — Pp. 17–30
12. Zheng Zh., Bohong Zh. Study on Spatial Structure of Yangtze River Delta Urban Agglomeration and Its Effects on Urban and Rural Regions // Journal of Urban Planning and Development. — 2012. — Vol. 138. — Issue 1. — Pp. 78–89.
13. Алексеев А. И., Зубаревич Н. В. Кризис урбанизации. Формирование нового образа жизни // Проблемы прогнозирования. — 2000. — № 4. — С. 138–146.
14. Поросенков Ю. В. Закономерности размещения населения СССР. Экономико-географическое исследование. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1977. — 160 с.
15. Модернизация России. Территориальное измерение / под ред. А. А. Нещадина, Г. Л. Тульчинского. — СПб.: Алетей, 2011. — 328 с.
16. Медведева Л. Н., Старовойтова Я. М. Стратегии развития российских городов // Горизонты экономики. — 2013. — № 2 (7). — С. 89–95.
17. Агломерационный фактор в контексте территориального развития регионов Дальнего Востока / Козлова О. А., Шеломенцев А. Г., Терентьева Т. В., Макарова М. Н. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2014, — № 10 (3), — С. 89–93.

Информация об авторах

Козлова Ольга Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра исследований социоэкономической динамики, Институт экономики УрО РАН; профессор, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41; e-mail: Olga137@mail.ru).

Терентьева Татьяна Валерьевна — доктор экономических наук, профессор, ректор, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (Российская Федерация, 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41; e-mail: Tatyana.Terenteva@vvsu.ru).

Макарова Мария Никитична — кандидат экономических наук, младший научный сотрудник Центра исследований социоэкономической динамики, Институт экономики УрО РАН (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: maria-makarova87@mail.ru).

Лан До Хуонг — PhD, доцент, заместитель руководителя по исследовательским и академическим вопросам, лектор факультета международной экономики и бизнеса, Университет международной торговли (Вьетнам, 100000, г. Ханой, ул. Чуа Ланг, 91; e-mail: dhlan6576@yahoo.com)

For citation: *Ekonomika regiona [Economy of Region]*. — 2016. — Vol. 12, Issue 3. — pp. 765–775

O. A. Kozlova^{a, b)}, **T. V. Terentyeva**^{b)}, **M. N. Makarova**^{a)}, **D. H. Lan**^{c)}

^{a)} Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: Olga137@mail.ru)

^{b)} Vladivostok State University of Economics and Service (Vladivostok, Russian Federation)

^{c)} Foreign Trade University (Hanoi, Vietnam)

Territorial Factors of Strategic Development of the Regions of the Far East

The article examines the issues of the territorial organization of social and economic space in the context of the development strategies implementation on the example of the Far East regions. This problem is associated with the growing unevenness of economic development under the conditions of the outflow of population. This leads to the growing shortage of labor, deteriorating age and educational structure of population. The population outflow results in the destruction of the existing patterns of settlement and an appropriate network of social services. The negative migration processes contribute to the loss of working-age population and increase of its differentiation. The authors hypothesized that the success of the regional strategies of socio-economic development is largely determined by the synthesis of agglomeration and cluster technologies based on the regional demographic, migration and settlement factors that are closely linked the processes of the organization of regional socio-economic space. The authors conducted the content analysis of the socio-economic development strategies of the Far East regions and substantiated a poor implementation of the cluster and agglomeration technologies in strategic planning, and the underestimation of contradictions in the strategies of socio-economic development conditioned by the outflow of the population. In the conclusion, the authors justified the necessity to develop and implement the mechanisms for the effective incorporation of the cluster and agglomeration technologies of the regional space organization in the socio-economic development of the regions of the Far East. The solution of the above mentioned problems, according to the authors, would contribute to a more substantiated development of regional spatial policy.

Keywords: regional development strategy, urbanization cluster, migration of population, population distribution, regional policy, territorial and industry organization, the Far East, urban population, cluster approach, agglomerative approach

Acknowledgements

The research has been conducted within the framework of the research scientific work «Socio-economic factors and innovative mechanisms of the implementation of the dynamic development policy of the Far East» (state order 2014/292).

References

1. Marshall, A. (1993). *Printsipy ekonomicheskoy nauki [Principles of economics]*, 1. Moscow: Program Publ., 594.
2. Kolosovsky, N. N. (1970). Teoreticheskiye problemy ekonomicheskogo rayonirovaniya SSSR (Kratkaya skhema izlozheniya) [Theoretical problems of the economic zoning of the USSR (Brief scheme of presentation)]. *Territorialnyye proizvodstvennyye komplekсы [Territorial industrial complexes]*. In: N. N. Kazansky (Ed.). Moscow: Mysl Publ., 18–32.
3. Bandman, M. K. (1971). Podkhod i osnovnyye etapy resheniya zadachi optimizatsii formirovaniya TPK [The approach and the main stages of solving the problem of optimization of the formation of the territorial and spatial complexes]. *Modelirovaniye formirovaniya territorialno-proizvodstvennykh kompleksov [Modeling the formation of the territorial and spatial complexes]*. Novosibirsk, 338.
4. Malov, V. Yu. (1974). Analiz veroyatnostnykh svoystv rezultatov optimizatsii prostranstvennoy struktury TPK [Analysis of probabilistic properties of the results of the optimizing the spatial structure of the territorial industrial complexes]. *Ekonomiko-geographicheskiye problem formirovaniya territorialnykh proizvodstvennykh kompleksov Sibiri [Economic and geographic problems of the formatting the territorial industrial complexes of Siberia]*, 1. In: M. K. Bandman (Ed.). Novosibirsk, 216.
5. Porter, M. (2002). *Konkurentsia [Competition]*. Moscow, Williams Publ., 608.
6. Pilipenko, I. V. (2005) Regionalnaya model geoeconomicheskoy strategii povysheniya konkurentnosposobnosti Rossii: perspektivi razvitiya regionalnykh innovatsionnykh sistem v Tomskoy i Novosibirskoy oblastiakh [Regional model of the geo-economic strategy of the Russian competitiveness development]. *Bezopastnost Yevrazii [Security of Eurasia]*, 2, 418–429.
7. Puga, D. (1998). Urbanization Patterns: European Versus Less Developed Countries. *Journal of Regional Science*, 38(2), 231–252.
8. Krugman, P. & Obstfeld, M. (1997) *Mezhdunarodnaya ekonomika. Teoriya i politika [International economy. Theory and policy]*. Moscow: MGU-UNITY Publ., 799.
9. Partridge, M. D., Rickman, D. S., Ali, K. & Olfert, M. R. (2009) Do New Economic Geography Agglomeration Shadows Underlie Current Population Dynamics across the Urban Hierarchy? *Regional Science*, 88(2), 445–467.
10. Portnov, B. & Schwartz, M. (2009) Urban Clusters as Growth Foci. *Journal of Regional Science*, 49(2), 287–310.

11. Wheaton, W. C. & Shishido, H. (1981) Urban Concentration, Agglomeration Economies, and the Level of Economic Development. *Economic Development and Cultural Change*, 30(1), 17–30.
12. Zheng, Zh. & Bohong, Zh. (2012) Study on Spatial Structure of Yangtze River Delta Urban Agglomeration and Its Effects on Urban and Rural Regions. *Journal of Urban Planning and Development*, 138(1), 78–89.
13. Alekseyev, A. I. & Zubarevich, N. V. (2000). Krizis urbanizatsii: formirovanie novogo obraza zhizni [Urbanization crisis: development a new way of life]. *Problemy prognozirovaniya [Problems of forecasting]*, 4, 138–146.
14. Porosenkov, Yu. V. (1977). *Zakonomernosti razmeshcheniya naseleniya SSSR. Ekonomiko-geograficheskoye issledovaniye [Patterns of population distribution in the USSR. Economic and geographic research]*. Voronezh, 160.
15. Neschadin, A. A. & Tulchinskiy, G. L. (Eds). (2011). *Modernizatsiya Rossii: territorialnoye izmereniye [Modernization of Russia: territorial observation]*. Saint Petersburg, 328.
16. Medvedeva, L. N. & Starovoytova, Ya. M. (2013). Strategiya razvitiya rossiyskikh gorodov [Development strategy of Russian cities]. *Gorizonty ekonomiki [Horizons of economy]*, 2(7), 89–95.
17. Kozlova, O. A., Shelomentsev, A. G., Terentyeva, T. V. & Makarova, M. N. (2014). Aglomeratsionnyy faktor v kontekste territorialnogo razvitiya regionov Dalnego Vostoka [Agglomeration factor in the context of territorial development of the Far East region]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamentnykh issledovaniy [International journal of applied and fundamental research]*, 10(3), 89–93.

Authors

Olga Anatolyevna Kozlova — Doctor of Economics, Professor, Head of Centre for Research of Socio-Economic Dynamics, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; Professor, Vladivostok State University of Economics and Service (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; 41, Gogolya St., Vladivostok, 690014, Russian Federation; e-mail: Olga137@mail.ru).

Tatyana Valeryevna Terentyeva — Doctor of Economics, Professor, Head of Vladivostok State University of Economics and Service (41, Gogolya St., Vladivostok, 690014, Russian Federation; e-mail: Tatyana.Terenteva@vvsu.ru).

Mariya Nikitichna Makarova — PhD in Economics, Research Assistant, Centre for Research of Socio-Economic Dynamics, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: maria-makarova87@mail.ru).

Do Huong Lan — PhD, Associated Professor, Deputy Head of Research and Academic Affairs, Lecturer, Faculty of International Economics and Business, Foreign Trade University (91, Chua Lang St., Hanoi, 100000, Vietnam; e-mail: dohuong2016@yandex.ru).